

И. С. Першина

(научный руководитель М. Ю. Кряжевских)

Объединенный музей писателей Урала (Музей Литературная жизнь Урала XIX века)

Екатеринбург, Россия

Фикциональные дневники в научной фантастике на материале прозы В. Брюсова и А. и Б. Стругацких

Аннотация: статья посвящена жанру фикционального дневника в творчестве В. Брюсова, одного из основателей технической научной фантастики, и А. и Б. Стругацких, творчество которых считается вершиной социальной научной фантастики. Фикциональные дневники рассматриваются как в контексте специфики научно-фантастического направления в литературе, так и в контексте специфики авторского стиля и их адаптации «дневникового» жанра в художественной прозе.

Ключевые слова: В. Брюсов, А. и Б. Стругацкие, фикциональные дневники, научная фантастика, иллюзия правдоподобия.

Авторы научно-фантастических произведений нередко склонны к использованию псевдодокументальных жанров, в частности, фикциональных, вымышленных дневников. Рассмотрим мотивацию обращения к жанру дневника на материале неоконченного романа В. Брюсова «Первая междупланетная экспедиция» (1920–1921) и романа А. и Б. Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» (1988). Такое сопоставление творчества В. Брюсова, одного из основателей технической научной фантастики, и А. и Б. Стругацких, творчество которых считается вершиной социальной научной фантастики, даст широкую картину использования «дневникового» жанра в научной фантастике.

В первую очередь, необходимо отметить то, что для авторов дневники были важной составляющей их личной и творческой жизни. В. Брюсов в 1890 году, в семнадцатилетнем возрасте, завел первый регулярный дневник, озаглавив его «Моя жизнь. Материалы для моей биографии, тетрадь первая», и с различной регулярностью вел записи до 1910 года. Затем он пользовался «Материалами для биографии», когда составлял «Краткую автобиографию», напечатанную в «Русской литературе XX века» под ред. С. А. Венгерова, а также фрагментарно включал дневниковые записи в неоконченную повесть «Моя юность» [Брюсов, 1927]. Прежде чем использовать дневниковую форму в научной фантастике, Брюсов уже создавал фикциональные ролевые дневники: так, в 1910 году он опубликовал повесть «Последние страницы из дневника женщины».

Братья Стругацкие, будучи творческим тандемом, вели рабочие дневники, в которых записывали идеи произведений, вехи работы над ними, факты и события литературной жизни. В дальнейшем на материале этих дневников Б. Стругацкий написал «Комментарии к пройденному»: историю создания и литературного бытования произведений. В поздний период творчества Стругацкие стремились к усложнению жанровой структуры произведений, в том числе с помощью псевдодокументов. К примеру, роман «Жук в муравейнике» (1979) включает отчет Льва Абалкина (в личной, дневниковой манере, но без дат), а повесть «Волны гасят ветер» (1984) составлена из множества документов: рапортов-докладов, личных писем, инструкций, реконструкций и т.д.

Теперь обратимся к дневникам в обозначенных фантастических произведениях авторов. Текст неоконченного романа Брюсова «Первая междупланетная экспедиция», за исключением предисловия издателей и редакторов, представляет собой дневник одного из участников Первой Междупланетной Экспедиции (то есть, полета на Марс), товарища Уильяма Джемса Морли. Он единственный пережил пребывание на Марсе, но погиб при спуске корабля на Землю, и его дневник, уцелевший при аварии, представляет собой рассказ о ходе экспедиции. Одна из сюжетных линий романа Стругацких «Отягощенные злом» представлена в виде дневника ученика Ташлинского лицея Игоря Мытарина. Герой вел его для того, чтобы на его

основе написать отчет-экзамен по теме «Учитель двадцать первого века», и в качестве образца такого учителя выбрал своего наставника, Георгия Анатольевича Носова. Поэтому сюжет строится вокруг фигуры учителя и связанных с ним трагических событий, происходивших в городе Ташлинске.

После краткой характеристики содержания необходимо отметить, что оба дневника в разной степени нарушают принципы построения жанра. Согласно Литературной энциклопедии терминов и понятий, к особенностям дневниковой формы записи относятся: 1) периодичность, регулярность ведения записей; 2) связь записей с текущими, а не с давно прошедшими событиями и настроениями; 3) спонтанный характер записей; 4) литературная необработанность записей; 5) безадресность или неопределенность адресата многих дневников; 6) интимный и поэтому искренний, частный и честный характер записей [Жожикашвили, с. 232].

О дневнике героя Брюсова вымышленные издатели сообщают следующее: «То, что мы называем “дневником” товарища Морли, не является собранием ежедневных, сделанных наспех записей: это, скорее, мемуары, написанные уже после того, как самые изображаемые события отошли от автора на некоторое расстояние. <...> Во время перелета от Земли до Марса Морли <...> вел только краткие записи пережитого им за день; в дни своего пребывания на Марсе он, хотя менее систематично, продолжал делать то же; на обратном же пути, внося изредка краткие сообщения в ту же записную книжку, он использовал досуги шестидесятидневного перелета для того, чтобы дать первую обработку своих беглых заметок в форме связного рассказа» [Брюсов, 2023, с. 85]. Таким образом, Брюсов не воспроизводит сразу две особенности жанра. Во-первых, дневник Морли связан не с текущими, а отдаленными во времени событиями, хотя издатели и отмечают, что «писался он в те дни, когда они должны были оставаться еще крайне острыми и живыми, притом почти при полном отсутствии новых впечатлений» [Брюсов, 2023, с. 86]. Во-вторых, записи, первоначально бывшие заметками в записной книжке, получили литературную обработку. Наконец, изначально был нарушен принцип безадресности – дневник был предназначен для чтения всеми, кто заинтересован в ходе экспедиции.

Дневник героя Стругацких также был подвергнут позднейшей литературной обработке: в предисловии Мытарин отмечает, что, готовя дневник к публикации, он «основательно отредактировал эти записи»: «Кое-что мне пришлось расшифровать и переписать заново. <...> Разумеется, я полностью опустил целые страницы, носящие дневниково-интимный характер, страницы, касающиеся других людей и не касающиеся Георгия Анатольевича» [Стругацкий, с. 485]. В тексте также появляются «поздние примечания» – комментарии героя, сделанные им сорок лет спустя. К примеру: «Мне кажется, я понимаю, какую связь подразумевает Г. А. между этой древней рукописью и моей работой, но это слишком долго, а я слишком устал, чтобы сейчас об этом писать. (ПОЗДНЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ. Совершенно не помню, что я тогда имел в виду. К сожалению.)» [Стругацкий, с. 565]. Помимо принципа необработанности, нарушается принцип частного характера записей: изымая страницы, дабы не «выпячивать себя в трагедии <...> учителя» [Стругацкий, с. 485], герой лишает дневник личностного, интимного аспекта.

Кроме нарушения принципов жанра, к особенностям обоих фикциональных дневников можно отнести их целевую направленность, повлиявшую на отбор материала: товарищ Морли фиксирует события и мысли, связанные исключительно с экспедицией, Игорь Мытарин изначально пишет преимущественно о событиях вокруг фигуры его учителя.

Теперь рассмотрим мотивацию использования дневниковой формы в научной фантастике. В первую очередь, дневник используется авторами как способ создания иллюзии правдоподобия. Первым необходимость этого провозгласил Герберт Уэллс в предисловии к сборнику «Семь знаменитых романов». Уэллс настаивает на важности того, чтобы вне фантастического допущения все прочие детали повествования были реалистичными, а фантастический элемент – объяснен и обоснован. «Читателю надо еще принять правила игры, и автор должен, насколько позволяет такт, употребить все усилия, чтобы тот “обжил” его

фантастическую гипотезу. С помощью правдоподобного предположения он должен вынудить у него неосторожную уступку и продолжать рассказ, пока сохраняется иллюзия» [Уэллс, с. 350–351]. Псевдодокументальный формат, включающий вымышленные предисловия издателей, редакторов или автора дневника, готовит читателя к восприятию произведения как достоверного, а интимность дневника и спонтанный характер записи, в свою очередь, выстраивают доверительные отношения между героем, ведущим записи, и читателем.

Одновременно с этим датированность записей, четкая хронологическая структура дневника позволяет построить линейное повествование, создающее иллюзию постоянной вовлеченности героя, а за ним и читателя – в события, что добавляет повествованию увлекательности, которой добиваются многие фантасты.

Поставленные авторами задачи решаются в обоих произведениях и в связи с проблемно-тематической разновидностью научной фантастики. Как правило, в технической или «твердой» научной фантастике, которая реализуется в связи с научно-техническим прогрессом человечества и формируется в России в начале XX века, допущение не просто обосновано автором в русле положений современной ему науки, но обосновано подробно, обширными теоретическими выкладками. Незначительный промежуток между событиями и их фиксацией в дневнике позволяют Брюсову без ущерба правдоподобию перенести в текст речь персонажа, полную технических подробностей о времени перелета космического корабля и запасах кислорода. Социальную или «мягкую» научную фантастику занимают вопросы того, как технический и социальный прогресс отражается на человеке и обществе, и дневниковая форма позволяет Стругацким зафиксировать сиюминутные, неотрефлексированные впечатления героя в критической ситуации.

Отступления от жанрообразующих принципов дневника вводятся авторами, чтобы соблюсти баланс между правдоподобием и художественностью. Если бы товарищ Морли вел дневник в той же манере, что и сам Брюсов, в романе не было бы связного, сюжетного повествования, а фантастическому произведению, претендующему на остросюжетность, логически выстроенное повествование необходимо. Одновременно с этим, стремясь к правдоподобию, Брюсов не может предположить, что у астронавта во время чрезвычайно краткой миссии на Марсе, которая длилась всего семь дней, нашлось бы время вести подробные записи день в день: поэтому товарищ Морли оставляет в записной книжке короткие заметки, которые вскоре преобразует в связный подробный текст.

Иллюзию реальности в романе Стругацких создает тот факт, что, редактируя текст, герой изымает целые страницы, посвященные личным переживаниям и рассказу о других людях из скромности, смущения и нежелания афишировать некоторые имена. Одновременно установка на то, что герой избавился от ряда фрагментов из дневника, позволяет сохранить художественную целостность: благодаря произведенному отбору, в тексте остается лишь та информация, что необходима для обозначенной героем цели – раскрытия образа учителя и хроники трагических событий тех дней, когда велись записи.

Итак, жанр дневника используется авторами научной фантастики для создания иллюзии правдоподобия и увлекательности повествования. В зависимости от проблемно-тематического направления фантастического произведения, дневниковая форма позволяет решать такие задачи, как подробное обоснование технического допущения или фиксация сиюминутных реакций на социальные изменения в гипотетической ситуации. Также отметим, жанр дневника органически соответствует творческой манере рассматриваемых авторов.

Литература

Брюсов В. Дневники 1891–1910 / Подг. к печати И. М. Брюсовой; прим. Н. С. Ашукина. М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1927.

Брюсов В. Первая междупланетная экспедиция // Мир семи поколений. М. : Престиж Бук, 2023. С. 84–99.

Жожикашвили С. В. Дневник // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : Интеллект, 2001.

Стругацкий А. Н. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя // Избранное. Том II / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. М. : Московский рабочий, 1989. С. 484–639.

Уэллс Г. Предисловие к сборнику «Семь знаменитых романов» // Уэллс Г. Собрание сочинений в 15 т. Т. 14. М., 1964. С. 349–354.

***Pershina I. S.* Fictional diaries in science fiction on the basis of the prose of V. Bryusov and A. and B. Strugatsky**

Abstract. The article is dedicated to the genre of the fictional diary in the works of V. Bryusov, one of the founders of hard science fiction, and A. and B. Strugatsky, the high points of soft science fiction. Fictitious diaries are researched both in the context of the specifics of the science fiction literature and in the context of the specifics of the author's style and their adaptation of the “diary” genre in fiction.

Keywords: V. Bryusov, A. and B. Strugatsky, fictional diaries, science fiction, the illusion of verisimilitude.